

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

МОЗАИКИ БИР-АЛЬ-КУТА И ПИЦУНДЫ*

Объединение мозаик Бир-аль-Кута и мозаик Пицунды в названии настоящей статьи включает само по себе указание на возможность объединения названных памятников — на предполагаемое историческое единство их, на своеобразную связь.

Бир-аль-Кут, где обнаружены интересующие нас остатки древнего мозаического искусства, находится в районе привифлеемских бедуинских кочевий. «Местность здесь, богатая холмами и склонами, образует, по словам Отчета о раскопках, великолепную панораму вокруг Вифлеема». С возвышенных точек перед глазами открывается знаменитая Базилика рождества, восходящая ко времени императора Константина I (306—337). Определяя кратко местонахождение Бир-аль-Кута, можно сказать, что он расположен подле самого Вифлеема.

Что же касается Пицунды (грузинская Бичвинта, античный Питиунт), то она отстоит от Бир-аль-Кута на огромное расстояние. Она лежит на грузинском берегу Черного моря, восточнее города Гагры — следовательно, не только далеко от Бир-аль-Кута, но и совершенно в иной географической среде.

Тем любопытнее, что время раскопок двух столь удаленных один от другого пунктов совпало. Бичвинтская археологическая экспедиция грузинской Академии наук начала исследование под руководством А. М. Апакидзе летом 1952 г. Орден миноритов (францисканцев) приступил к работам под руководством директора палестинских раскопок ордена профессора Виргилио Корбо в конце того же года. Само собой разумеется, одновременность исследовательских работ была случайностью. Грузинские и палестинские ученые действовали независимо друг от друга.

Тем сенсационнее для грузинской науки оказались результаты экспедиции Корбо. Монастырь, остатки которого ему посчастливилось расчистить под Вифлеемом, оказался древним грузинским монастырем, существование которого не отмечено ни одним письменным источником.

Пол помещений обнаруженного профессором Корбо монастыря покрыт узорчатой мозаикой. При этом вымостка монастырской трапезной, внутреннего двора и портика содержит четыре древнегрузинские надписи, выполненные заглавным хуцури, при высоте букв до 10—11 см. Они-то

* Настоящая статья представляет собой реферат последнего устного выступления покойного Л. А. Мацулевича — его доклада (22 XI 1958) на сессии Отделения исторических наук АН СССР по вопросам византиноведения в Ленинграде. Реферат был написан автором (ред.).

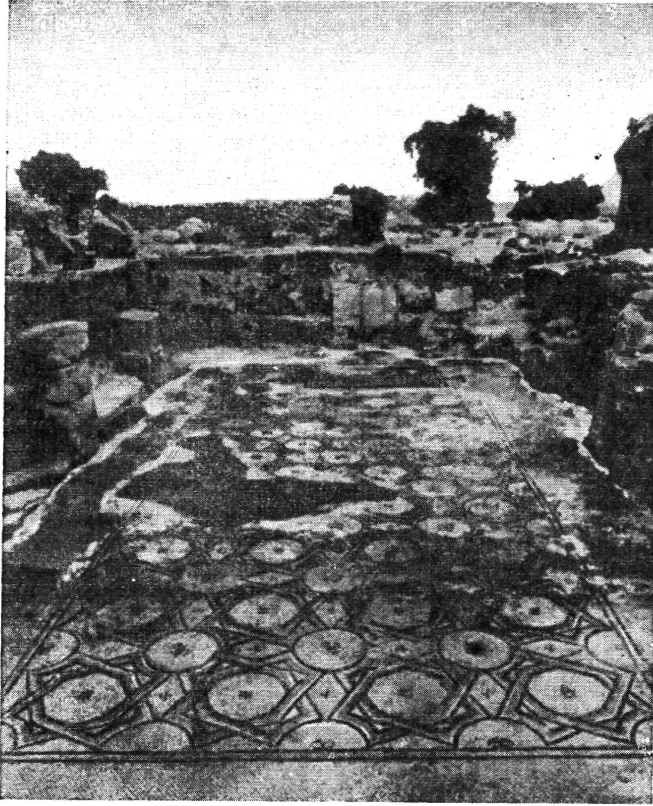

Рис. 1. Мозаичный пол трапезной из Бир-аль-Кута, 3×7 м. Открыт проф. Корбо в 1952 г.

и позволили установить, что монастырь являлся грузинским и был посвящен Феодору Тирону.

Отчет Корбо о раскопках напечатан в «Publicazioni dello studium biblicum franciscanum», № 11 (Gerusalemme, 1955). Я пользовался фотокопией отчета, предоставлением которой мне я обязан заботам академика Акакия Гавриловича Шанидзе.

Наиболее крупным и полнее других сохранившимся мозаическим ансамблем Бир-аль-Кута является вымостка трапезной (рис. 1). Ей я отвожу в докладе основное внимание. Мозаичный ковер пола, который расстелается перед глазами, имеет размеры приблизительно 3×7 м. Узор его геометрический. Он образован неизменным повторением одних и тех же звеньев или ячеек величиной около $\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ м каждое. Звенья расположены в ряд одно возле другого боковыми сторонами. В каждом ряду четыре звена. К первому ряду непосредственно примыкает второй и последующие ряды. Всего рядов восемь, насколько позволяет судить об этом опубликованный в отчете фотоснимок пола, исполненный в ракурсе. Тем самым взор охватывает по крайней мере 32 звена.

Звено, основная ячейка узора, составлено из двух прорезных ромбов или, точнее говоря, из рам ромбической формы, вставленных одна в другую под прямым углом, крест-накрест (лучше даже сказать: не столько

вставленных друг в друга, сколько туго втиснутых). Острые углы ромбов дугообразно срезаны. Узор выполнен из тессер ярко-розового, черного, голубого и зеленого цветов. Из-за сильной изломанности силуэта звена между тессерами образуются при сопоставлении их рядом просветы на белый фон, имеющие характерные формы — круглые, ромбические, восьмиугольные. Сочетание между собой таких просветов играет при восприятии узора активную роль: они производят впечатление крестовидных вкраплений.

Присоединенное к отчету Корбо исследование мозаичных надписей, произведенное грузиноведом Тархнишвили, датирует их в пределах всего VI в. Между тем сам Тархнишвили допускает, что надписи в портике старше надписи в трапезной. А Корбо обращает внимание на то, что обе надписи помещены не по оси общего узора вымостки, а сдвинуты к боковому краю; он отмечает также и частичные реставрации. Не задерживаясь на подробностях, можно допустить, что узорчатые мозаики частично восходят к V в. — во всяком случае они относятся к доюстиниановскому времени.

Декоративная система коврового узора, представленная в трапезной Бир-аль-Кута, сохранилась от какого-то раннего здания и в самом Иерусалиме, в Монастыре креста. Небольшой участок мозаики был сфотографирован Н. П. Кондаковым во время археологического путешествия в 1891—1892 гг. Вымостка, насколько позволяет судить фотоснимок, подверглась давней реставрации и в нынешнем состоянии может быть отнесена к VI в.

Таким образом, в двух памятниках иерусалимско-вифлеемской художественной школы можно наблюдать наследие большого декоративного стиля мозаичных настилов, сохранявшееся вплоть до V—VI вв.

За последние десятилетия в Палестине раскопано несколько зданий, на мозаичных настилах которых мы встречаем спаренные ромбовидные рамы, втиснутые одна в другую. Все эти памятники точно датированы концом первой трети VI в. Показательно то новое качество нашего характерного мотива, с которым мы встречаемся на этих памятниках. Так, в герасской художественной школе нет широкого декоративного узора из составленных рядами звеньев. Новое качество мотива состоит в том, что пара скрещенных рам выделилась в изолированную ячейку. При этом ромбовидные рамы стали короче и шире. Они тем самым могут легко вписываться по диагоналям квадрата. Качественно эта новая ячейка может быть определена как квадрат со спаренными ромбами внутри. Последний не занимает ведущего места в узоре: он обычно вкраплен в орнамент иного построения и рисунка, в котором ему отводится второстепенное, рядовое место где-то в стороне, где он часто почти теряется. Однако доживание мотива даже в таком качестве служит важным свидетельством того, что Сирия и Палестина были в свое время его художественным центром.

Перехожу к мозаической вымостке Пицунды. Предварительное сообщение об «Открытии мозаичного пола в древнем Питиунте» напечатано мной в № 4 «Вестника древней истории» за 1956 г. Напомню некоторые выводы этой публикации.

1. Сохранившиеся части мозаик пицундской базилики относятся к нескольким строительным периодам.

2. Настил крещальни и повышенной части мартирия принадлежит ко времени не позднее второй половины IV в.

3. Он характеризуется живым эллинистическим наследием и столь тесной связью с местными народными художественными образами, что

закономерно ставить вопрос о местных предшественниках новооткрытых мозаик.

4. Декоративная система мозаичного настила крещальни состоит из повторяющихся геометрических звеньев, состоящих из свободно вставленных крест-накрест рам ромбической формы (не туго втиснутых, как в палестинских школах) (рис. 2). Они тем самым являются вариантом, при этом более ранним, чем палестинские, о которых шла речь в первой части реферата.

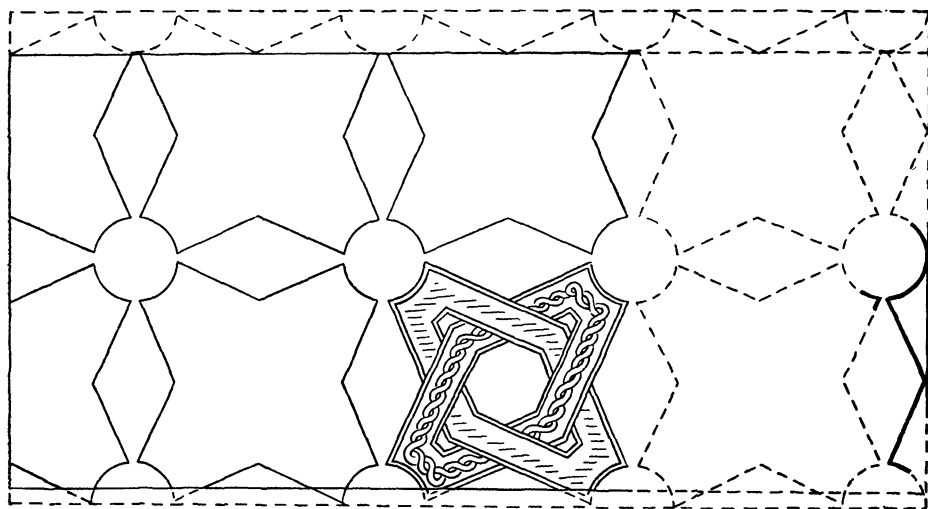

Рис. 2. Схематический рисунок мозаики пола крещальни из Пицунды, открытой в 1952 г.

5. Декоративная система вымостки IV в. пицундской крещальни не представлена на памятниках средиземноморских, римских. Больше того, узор этот принципиально отличен по своему построению от средиземноморско-римской системы. Это тем значительнее исторически и показательнее, так как Питуунт был длительное время крупным военным центром Римской империи и местом стоянки римского флота. Нельзя не признать, насколько жизнедеятельны в Пицунде были местные художественные силы и местные культурные связи.

6. Общее направление этих связей на Восток доказывалось выше такими аналогичными памятниками, как мозаика Кауссье 387 г., как отмеченные в докладе фрагменты иерусалимского храма креста, как памятники Герасы.

7. Изучение своеобразных черт акантового орнамента пицундского мартирия также сближало их с Сирией и Палестиной — с цепным рядом разнообразных соцветий, известным там уже на рубеже нашей эры (рис. 3).

8. Для пицундского аканта, в частности, выдвигается особое значение мозаик первоначального октогона вифлеемского храма рождения. Пути от пицундских мозаик указывали на вифлеемский храм.

Вот приблизительно основное, что хотелось напомнить о предварительной публикации мозаик.

До появления на научном горизонте результатов раскопок в Бир-аль-Куте, произведенных Виргилио Корбо, историко-художественное сближение Пицунды с Вифлеемом оставалось все же в плане общих гипотез. Мозаики Бир-аль-Кута вносят существенное дополнение в данный вопрос и

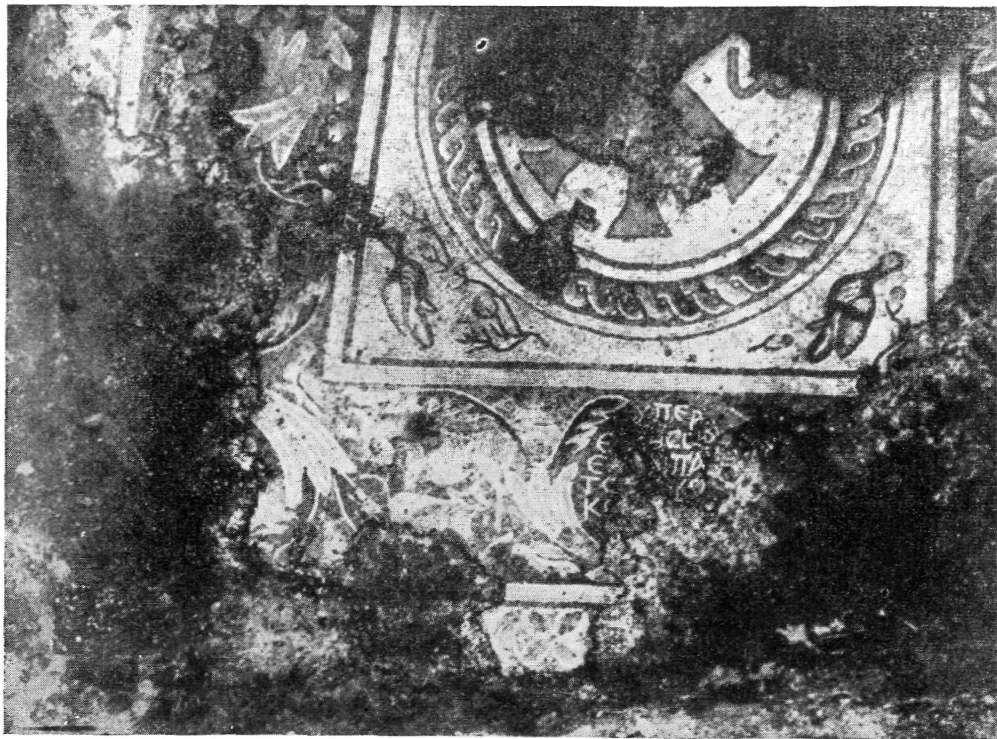

Рис. 3. Мозаика мартырия IV в. из Пицунды, раскопки 1952 г. экспедиции Академии наук Грузинской ССР.

укрепляют почву для продолжения исследований в том же направлении. Они становятся новым, связующим звеном. Не безразлично в этом отношении нахождение интересующего нас монастыря Феодора Тирона подле самого Вифлеема. Оно обеспечивало близкое знакомство с комплексом прославленного храма и постоянные связи. Непосредственно из Вифлеема могли получаться в Бир-аль-Куте или заимствоваться туда образцы мозаичных узоров; возможно, приходили и мозаичисты. Прямое использование вифлеемской базилики приобретало иногда особое значение. В бир-аль-кутский монастырь были перемещены, как показали раскопки, камни от карнизов и другие архитектурные детали с разрушавшихся частей знаменитого храма.

Мозаичный узор в трапезной Бир-аль-Кута, типично ковровый, отмечен сдержанностью и лаконичностью рисунка. Внутри каждого звена и между соседними звеньями выложено по маленькому мозаичному щитку или крестик. Эти столь крохотные украшения кажутся обедненными, будничными; они как бы теряются в неизменной общей торжественности и декоративности мозаичного настила. Мозаика художественно сосредоточена на основном. В ней не намечилось ни признаков изживания художественного мотива, ни перерождения или распада форм. Мозаика Бир-аль-Кута могла почти до юстиниановского времени сохранить наследие большого декоративного стиля, видимо, потому, что за ней стояло не полуизжитое художественное предание, а непосредственный образец выдающегося прославленного здания. Мозаика свидетельствует о том, что иерусалим-

ско-вифлеемская школа была и действительно долго продолжала быть мощным художественным центром с широко идущими связями.

В Пицунде мозаичный слой V в. дает своеобразный сигнал, противоположный указаниям предыдущего слоя. Мозаики, выложенные в это время, при очередной перестройке базилики, свидетельствуют о ближайшем родстве их со средиземноморским искусством.

Художественное родство, конечно, не могло не проявиться в новой обстановке экономических и политических отношений Лазики с Римской империей и в изменившихся общественных условиях. Налицо крупный культурный сдвиг. Для византиноведения и грузиноведения он, само собой разумеется, не звучит призывным набатом. Это скромная лепта, вносимая в советскую историческую науку исследованием художественных связей, в частности связи недавно обнаруженных мозаик Пицунды и Бир-аль-Кута.
